

Алёна Хренкова

**ЗАПИСКИ
ЗАМУХРЫШКИ**

Алёна Хренкова

Записки Замухрышки (сборник)

«Издательские решения»

2014

Хренкова А.

Записки Замухрышки (сборник) / А. Хренкова — «Издательские решения», 2014

«Записки Замухрышки» – сборник остроумных и трогательных новелл, сотканных из глубоких психологических переживаний маленькой девочки, жизнь которой проходит в послевоенной Москве в окружении обитателей небольшой улочки, находящейся почти на окраине города.

© Хренкова А., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ХОЛОДНАЯ ПЕЧКА	7
МОЯ СЕМЬЯ	8
БЕЛИСЯ	10
ЧАШКА С НЕЗАБУДКАМИ	11
СОСЕДИ ПО ДОМУ	12
КАК Я НЕ ПОШЛА В ДЕТСКИЙ САД	14
МОЙ ДРУГ ДОХОДЯГА	15
ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ	16
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	17
КЕМ СТАТЬ?	18
РАЗВЛЕЧЕНИЯ С ПРИЯТЕЛЕМ	20
ПОДРУЖКИ	21
СТРАШНЫЕ СЕКРЕТЫ	23
СЛАДКИЙ ЛУК	24
ШУБА ИЗ КРОЛИКА	25
ПОДАРОК К ПРАЗДНИКУ	26
МОЙ «РЕКОРД»	27
ШАЛОСТИ ДВОРОВЫХ	28
ПЕРВЫЕ КНИЖКИ	29
ИГРУШКИ	30
ЧУБЧИК БЕЗ КОНФЕТ	32
СОБАКИ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алёна Хренкова

Записки Замухрышки

ПРЕДИСЛОВИЕ

По старым меркам я – многодетная мать. У меня трое детей – все дочери, с разницей в возрасте примерно десять лет. У нормальной женщины с рождением ребёнка жизнь начинается отсчитываться с нуля. Сколько детей в доме – столько жизней у матери.

Однажды я услышала от своей соседки фразу: «Если в доме на полу не валяется ни одной игрушки – дом пустой». Свой дом я наполнила до краёв, так мне теперь кажется.

Пока мои девочки росли, каждой из них я рассказывала сказки, читала книжки, пела детские песенки, в принципе – одни и те же, из своего детского запаса, разве что с небольшими дополнениями, в зависимости от обновления книжного рынка и песенного репертуара. Каждый мой «номер» повторялся с десятилетним интервалом.

Иногда возникали моменты, когда я прибегала к своему жизненному опыту. Разве без этого обойдешься? Приходилось обращать внимание очередного ребенка на те камни, о которые я спотыкалась в свое время, на те заборы, которые рвали мою одежду или вставали на пути.

Один ребёнок за другим слушал мои истории про синяки и шишки, про друзей и врагов, о школе и пионерском лагере, а также о многом другом, о чём я сама, наверное, сейчас уже позабыла. Годы шли, дети росли. Вместе с ними и я в четвертый раз оканчивала школу, в третий – институт. Короче, все шло своим чередом.

В какой-то момент я стала замечать, что дочери при разговоре со мной, когда я вдруг начинала что-то вспоминать из своей жизни, почти хором заявляли мне, что слышали всё по сто раз. Мне это было неприятно, и я совсем перестала что-либо говорить о прошлом. Но вскоре выяснилось и кое-что другое. Оказывается, что всё знали обо всём только две дочери, старшая и средняя, особенно средняя. А вот младшему моему ребенку почему-то «не досталось» почти ничего из моих рассказов, как заявила она мне.

К моему изумлению дитё не знало, как зовут моих бабушек и дедушек, какая фамилия была у меня в девичество, на какой кладбище похоронены наши родственники, ходила ли я в детский сад, как училась в школе. Ничего не знала она и о своих двоюродных тетках и дядьках, ни об их здравствующих ныне детях и внуках. Больше всего ее интересовала моя жизнь. Она считала себя обделенной и требовала восстановления справедливости.

Вот для нее, для моего последнего ребёнка, я и хочу рассказать некоторые истории из моей жизни, с того момента, когда я стала осознавать себя существом, принадлежащим к человеческому роду, и до того времени, когда этот род можно было бы и продолжить.

Мне всегда казалось, что помню я себя чуть ли не с самого рождения, но со временем многое стирается, кое-что начинаешь «помнить» по рассказам окружающих, а этим рассказам не всегда можно доверять. Поэтому писать я стану о том, что хорошо врезалось мне в память или подтверждено документально, а все мои персонажи будут носить свои собственные имена.

Мои герои, если называть их по-другому, теряют для меня вместе со своими именами и свою индивидуальность. Не может какая-то выдуманная девочка Валя ломом разломать сделанную мной с огромным трудом и любовью ледяную горку! На это способна только Райка, моя соседка, враг и соперница. Я не хочу даже случайно кого-то обидеть. Всё, что я расскажу, – это взгляд назад глазами ребёнка.

Будучи ещё совсем маленькой, я уже понимала, что не все окружающие меня люди – умные и добрые, не все – красивые и честные. Многие казались мне чудными и убогими, кое-

кого я очень жалела, а кого-то просто побаивалась. Некоторые же люди оставили о себе такие яркие и нежные воспоминания, что берегу я их всю свою жизнь.

Из детей вырастают, как правило, взрослые, и какие они получаются, очень часто зависит от того, из чего они «сделаны». Пусть мой ребёнок увидит процесс вылепливания личности и узнает, какие же мастера и подмастерья приложили свои руки к продукту под названием «Мать».

ХОЛОДНАЯ ПЕЧКА

Я сижу на кровати одетая в зимнее пальто и прижимаюсь к холодной печке. Возле меня стоит двоюродная сестра Лида в бабушкином платке, повязанном крест-накрест над толстым животом. Очень холодно. Я плачу, она меня успокаивает. Это похороны бабушки. Все уехали на кладбище, а нас оставили дома. Меня – по малолетству, её – по беременности.

Вот мое первое, как бы черно-белое фотографическое воспоминание. С этой «фотографии» я начинаю свой детский альбом. Дальше будет все в цвете и в движении.

МОЯ СЕМЬЯ

Воспитания родителей я практически не ощущала. Иногда меня лупили полотенцем, но жестоких расправ не было, так как и грехов больших тоже не было. Сейчас мне кажется, что задача воспитания, как таковая, даже и не ставилась. Мать с отцом просто пытались нас с сестрой накормить и одеть во что-нибудь. Только в тот послевоенный год, когда я родилась, были отменены продовольственные карточки. Сами понимаете, какое это было время.

Своей матерью я вполне сознательно считала старшую сестру. Все игры, мелкие хулиганства, прогулки, «рукотворчество» и многое другое, в основном хорошее, происходило именно с ней. Она телом загораживала меня не только от врагов и обидчиков, но и от родителей. Этому было свое объяснение.

Сестра родилась перед войной. Все ее «малое» детство выпало на страшную пору. Видимо, поэтому ей хотелось, чтобы моя жизнь протекала иначе. Была и другая причина: Лариса не ладила с отцом. Выросла она практически без него.

По комсомольским путевкам мать с отцом, будучи рабочими газеты «Правда», уехали на Дальний Восток, в Хабаровск. В 38-м году они поженились, в 39-м родилась Лариса. В начале 40-го года отца забрали в армию. Потом началась война, которую он провел в Манчжурии.

В Москву отец вернулся только в 46-ом году. Ларисе было уже семь лет. Она с нетерпением ждала его. Но мать не была уверена, сложится ли у нее жизнь с мужем после стольких лет разлуки.

В тот день, когда отец приехал домой, родители вместе пошли за дочерью в детский сад. По дороге они обсуждали свою дальнейшую жизнь. Увидев рядом с матерью человека в военной форме, Лариса догадалась, кто это, и бросилась на шею, но мать ее остановила, сказав, что та ошибается. Это не ее отец. Лариса была разочарована и обижена.

Позже родители выяснили свои отношения и решили не расставаться, но сестра не простила матери ее слов. «Не мой отец – так не мой», – вот что заявляла она иногда. Сестра моя была девочкой замкнутой и упрямой, а отец особо не отличался дипломатией. Между ними все время происходили стычки.

Я часто слышала, как после очередной разборки Ларискиных «полетов», она требовала от отца, чтобы он вернул ей пирожок с капустой. Однажды, встречая дочку после детского сада, отец съел пирожок, который Лариса получила на полдник. История была давнишняя, но требования повторялись из года в год довольно долгое время. Я даже просила отца купить Ларке десять таких пирожков, только бы она перестала повторять со слезами на глазах эту дурацкую фразу. Я тогда не понимала, что за этим стоит. Никакие пирожки не смогли бы решить эту проблему.

Для отца я стала первым ребенком. Лариса, конечно же, ревновала его, но на себе я этого не ощущала.

Когда я родилась, отцу почему-то захотелось назвать меня Нелькой, но домашние были против. Это имя, по мнению моей родни, больше подходило для собачки, чем для девочки. Назвала меня Лариса. Она передала в роддом конфеты. На пакетике стояло мое имя.

Сестра была старше меня на восемь лет. Я считала ее почти взрослой. Мое воспитание Лариса негласно взяла на себя. Я молча радовалась. Остальные об этом не задумывались.

Росла я тихим, послушным ребенком. Все были довольны. Втихаря проходила и моя дворовая жизнь. Не помню, чтобы я жаловалась кому-то на обидчиков. Свои проблемы я старалась решать сама. К помощи сестры я прибегала в крайних случаях. Ларису я очень любила и жалела. Что бы ни случалось между нами за всю жизнь, мы ни разу не поссорились с ней по-настоящему.

Семья в то время жила в крошечном старом деревянном доме, стоявшем рядом с длинной кирпичной стеной, почти в конце заросшей травой улочки, убегавшей куда-то к лесу. За домом торчали заваливающиеся сараи, помойка и туалеты. Эти сооружения, сколоченные из серых корявых досок, просматривались и продувались со всех сторон. Пройти мимо них не задохнувшись было невозможно.

На пустыре за сараями и помойкой доживали свою жизнь страшные черные бараки, в которых ютились после войны временные рабочие. Где-то рядом находился лес с ужасным озером, в котором били холодные ключи, сводившие конечности незадачливым пловцам. Не было недели без утопленника.

Мне казалось, что живем мы на краю света, в какой-то глухой и всеми забытой деревне, но со временем я узнала, что лес носит название «Тимирязевский парк», а улочка зовется «Кочновским проездом». Кирпичная стена принадлежит подземному авиационному заводу, охраняемому солдатами. По ночам там испытывают моторы для самолетов. Вся эта глухомань располагается в пяти минутах ходьбы от Ленинградского проспекта, около метро «Аэропорт». И все это находится в Москве.

Но мне до всей этой цивилизации еще только предстояло дойти своими ногами и своей головой.

БЕЛИСЯ

Однажды меня оставили дома с теткой Верой, маминой сестрой. Все было хорошо. Мы даже пошли гулять, но вскоре я замерзла и стала просить «Белисю». Почему-то я не смогла объяснить ей, что это такое. Чего бедная тетка только мне ни предлагала! Все кончилось жуткими слезами. Только когда вернулась с работы мама, моя нянька узнала, что «Белися» – это детское плюшевое белое пальтишко с капюшоном.

Белися долго жила у нас в доме. Потеряв в процессе эксплуатации свой непорочный цвет, она была перекрашена в малиновый. В этом цвете ее использование происходило как бы по другому назначению, хотя суть оставалась прежней. Белися теперь хранила тепло не моего щуплого тела, а подходившего в ведре теста. Если с вешалки из-за печки доставалась Белися, я точно знала, что пришел какой-то праздник и мама будет печь пироги.

Наши знакомые иногда спрашивали, почему мы называем Белисей малиновое чудовище, заляпанное засохшим тестом. Мне ничего не хотелось отвечать. Хотелось только обидеться и заплакать.

Милое, обожаемое малиновое чудовище! Тайно ото всех надевая тебя, я представляла себя маленьким белоснежным медвежонком. Куда я только ни уносила в своих мечтах!

Мне кажется, что никакая другая одежда не приносила мне такого удовольствия и такого полета фантазии.

ЧАШКА С НЕЗАБУДКАМИ

Не помню, кто подарил мне в день рождения малюсенькую детскую чашечку с блюдечком белого цвета, с голубыми незабудками. Чашка была мне очень дорога. Мне хотелось играть в чаепитие с утра до ночи. Из чашки было вкусно пить даже простую воду! Когда мой живот раздувался от воды и я не могла уже ничего пить, игра все равно продолжалась. Скорее всего, чашка мне нравилась из-за цветов. Незабудки надолго стали для меня символом какой-то трепетной любви.

Наверно кто-то захочет спросить: что за тема «Чашка с незабудками»? Может быть, кому-то станет жаль слишком восторженного ребенка, потому что, по законам жанра, чашка должна разбиться.

Все случилось, как всегда бывает в жизни или пьесе – чашка разбилась. Мне казалось, что горю не будет конца. Но детские слезы недолгие – они быстро высыхают. Все постепенно забылось бы, но у этой истории оказалось продолжение, которое, собственно, и заставляет меня вспоминать ту злосчастную чашку. Все дело было в моей сестре.

Однажды вечером Лариса мыла посуду и в руки ей попало блюдечко от моей чашки. Я стояла рядом. Все было тихо и спокойно. И вдруг сестра ни с того ни с сего бросила в пустое помойное ведро блюдце с незабудками, которое разлетелось на мелкие кусочки.

«Зачем блюдце, если нет чашки?», – спросила она. А действительно, зачем?

СОСЕДИ ПО ДОМУ

Дом был поделен на две половины. В нашей жила публика, условно говоря, приличная. Соседями за стеной, у которой стояла моя кровать, а позже – наш с Ларкой диван, была семья старухи Юнихи. С бабкой я ладила. Она была вечно ругающейся матом маленькой, беззубой старушкой в белом платочке, с зажженной «Беломориной» во рту. При всем при этом Юниха была очень доброй и хорошо относилась ко мне, ласково называя меня Седенькой, видимо из-за моих белокурых волос.

Любимыми занятиями бабки были игра в карты на замусоленные рубли во дворе, у сараев, где постоянно собирались «петушатники», а так же вычесывание гнид из своей головы с помощью полукруглой гребенки, сидя на той же скамейке. Больше ни в каком криминале она замечена не была.

Ее дочь – тоже матершинница – Вера, курившая, как и бабка с утра и до вечера, но только папиросы «Север», была замужем за шофером Николаем, довольно тихим и миролюбивым существом, пока не напивался. Тетка Вера особо запомнилась тем, что, волнуясь, начинала запинаться, и мат у нее получался какой-то затейливый. Еще она иногда надевала шубу из меха кротов, которой очень дорожила. Таких шуб я никогда больше ни у кого не видела. Мне сначала было не понятно, из чего она сшита.

Как-то раз Лариса привезла из пионерского лагеря шкурку крота. Из этой шкурки мы сшили крошечную шубку маленькому голышику. Шубка была с пуговками, вырезанными из старой фетровой шляпы. Вот тогда до меня и дошло, из чего сделана шуба тети Веры. Лариса мою догадку подтвердила.

У Веры и Николая был сын Витька – скромный бандит со вставными передними зубами. К нам он никогда не лез. У него была своя компания.

Витьке очень хотелось, чтобы волосы на его голове росли не вперед, а назад, как у взрослых мужчин. Тогда была мода на такие прически. Одно лето он каждые пять минут мочил голову водой, зачесывал волосы назад и придавливал их тюбетейкой. Бился он упорно, однако ничего не получилось. Он и потом ходил с торчащей вперед челкой.

Была в этой семье и «младшенькая» – Раечка, любимица бабки Юнихи. Она ее обожала и никак по-другому не называла. Эта Раечка была старше меня на год. С ней я условно дружила, хотя наши отношения были столь многогранны, что одним словом здесь не обойтись.

Кроме нас в этой половине дома также проживали вечно курящие тетя Поля и дядя Вася. Из их комнаты дым от папирос валил, как при пожаре. Это была одинокая престарелая пара, все время угощавшая меня конфетами. Такое отношение ко мне было неслучайным.

Когда я была чуть ли ни в грудном возрасте, мама несла меня на руках мимо их комнаты. Дядя Вася в это время выходил. Удар дверью пришелся, в основном, на мамину руку. В лоб я не получила, но зато систематически получала конфеты как пострадавшая.

Во второй половине дома жила семья Волковых, состоявшая из какой-то серой и замученной жизнью тетки Нюры и троих ее сыновей: отпетых хулиганов – двойняшек Сашки и Миши и тихого мальчика моего возраста – Толи, который часами просиживал во дворе за столом, когда не было картежников, и рисовал.

Рядом с этой семьей жила тетя Катя, приходившаяся Раечке крестной. У нее был взрослый сын Колька по кличке Атака, который привез с целины красавицу жену. Выйти замуж он заставил ее, гоняя по полю на тракторе со словами: «Не выйдешь – запашу!». И запахал бы – такой он был отъявленный бандит. Их брак продлился до приезда в Москву. Почти сразу же они развелись.

Кто-то из друзей отца, переезжая в новую квартиру, подарил нам настоящую старинную фисгармонию в очень хорошем состоянии. Отец привез инструмент на машине и пошел искать помощников, чтобы затащить его в дом.

Колька-Атака вертелся во дворе. Не успели снять инструмент с машины, как Атака откинул крышку и, не вынимая папиросы изо рта, начал лихо выводить каким-то воровским голосом: «Белла, белла донна, донна дорогая...», стуча пальцами в татуировку по клавишам. Он был страшно удивлен, когда не вышиб ни одного звука из фисгармонии. Он не знал, что надо нажимать на специальные ножные педали, чтобы подать воздух к трубочкам, отверстия которых открывались клавишами. Но все это и я тоже узнала позже. Фисгармонию поставили к печке.

«Украшением» второй половины дома была семья Балдавешек, состоящая, собственно, из Балды (кличка сестры) и Яхи (полное имя брата – Иохан). Они были поляками и славились тем, что постоянно дрались. При этом Яха умудрялся всегда разбивать о голову своей сестры тонкостенный стакан. Окровавленная Балда с воплями выбегала во двор на потеху картежникам. Тут же вызывалась милиция, Яху забирали.

С головой, замотанной специально предназначенным для этой цели старым халатом, Балда отправлялась (несколько торжественно, как мне тогда казалось) в поликлинику ставить какие-то загадочные «скобки». Затем она возвращалась домой, вызволяла Яху из милиции, опять покупала стаканы из тонкого стекла вместо алюминиевых кружек, стирала свой «головной» халат и дожидалась нового побоища. Этот спектакль происходил чуть ли не каждую неделю.

В своем сарае Балда выращивала свиней. Один поросенок отъелся таким огромным, что она даже боялась к нему заходить. Кормила она свою скотину через маленькое окошко внизу двери, откуда высовывался только огромный пяточок. Свинья обожала есть красные кирпичи. Балда молотком разбивала кирпич на небольшие кусочки и совала в окошко. Свинка грызла их, словно сахар, с таким же звуком, а из ее пасти текли красные, как будто сладкие, слюни. Это было для нас маленьким цирком.

Резать свинью Балда позвала всех мужчин. Даже мой отец зачем-то пошел туда. В подобных делах он не был мастером и крови боялся. Зарезать свинью толком не смогли. Даже с перерезанным горлом, она носилась по двору, орошая все вокруг кровью и распугивая неумелых мужиков.

Чем это все кончилось, я не знаю, но меня потом долго не пускали во двор.

КАК Я НЕ ПОШЛА В ДЕТСКИЙ САД

Между двумя и тремя годами я мечтала о домике для кукол. Это сейчас у всех Барби да Синди, а тогда у меня не было почти никаких игрушек. Зато мои мозги работали, как дизайнерское бюро какой-нибудь заграничной игрушечной фирмы. Мысленно я наряжала кукол в роскошные наряды, а свой кукольный дом украшала различной обстановкой. Чего у меня там только не было! Короче, в моей голове было все то, что сейчас есть у моих детей в детской комнате. На мечте меня и поймали.

В три года родители решили отдать меня в детский сад. Мама мне говорила, что все, о чем я мечтаю, есть в детском саду, и во все это добро можно запросто играть. Я поверила и согласилась. Оформили документы. Меня привели в детсад. Оставалось только показаться врачу, и в группу!

В медкабинете произошло следующее: меня поставили на кушетку, и врача задрала майку, чтобы послушать легкие. К этим процедурам я не была морально готова. На мне почему-то не оказалось трусов, а в кабинете был мой отец и еще какой-то мужчина. Я одернула майку вниз. Грубой рукой ее опять задрали. Потом опять! Я завопила, начала отбиваться и плевать. Такой меня никто никогда не видел, да я и не была такой. Мне просто было стыдно, меня оскорбили!

На улице мама сказала, что ненормальных детей не берут в детские сады. Как я была рада! Мне уже не хотелось никаких игрушек.

С тех пор я сидела дома одна. За мною «присматривала» соседка Юниха, которая в это время болела и лежала за стеной. Мы с ней перестукивались. Мама платила за эти перестукивания сто рублей.

Позже моими няньками стали двоюродные братья – сыновья маминой сестры тети Веры. У нее было четверо детей: дочка Женя, старше Ларисы на десять лет, и сыновья Шура, Юра и Вова.

Какое это было время! Меня приводили к ним домой и оставляли деньги на кино, то есть вознаграждение за сидение со мной.

Больше всех со мной возился Шура. С ним-то я и просмотрела все трофейные итальянские и французские фильмы, сидя на подоконнике в полуподвальном кинотеатре со страшным названием «УЖАС». Став старше, я узнала, что кинотеатр принадлежал дому культуры Управления Железнодорожного и еще какого-то Сообщения, кажется, Автомобильного. Вот откуда такое страшное название.

МОЙ ДРУГ ДОХОДЯГА

Я никогда так не называла своего первого друга. У него были разные имена, одно даже собачье – Бося. Мы с ним играли так: я привязывала ему на шею веревку и таскала по комнате за собой, как собачку. Он лаял и бегал на четвереньках. В то время нам было лет по пять.

Мой друг совсем не казался мне худым и бледным. Но его мама просто сходила с ума по поводу здоровья своего сына. Моя же мама считала его мордастым и упитанным. Это она называла его Доходягой, как бы в насмешку. Вообще-то, его звали Толей.

Наши матери для «поправки» Доходягиного здоровья надумали устраивать показательные обеды. Я всегда ела с аппетитом. Вот они и стали сажать нас вместе обедать то в одном доме, то в другом по очереди. Я выступала в качестве наглядной агитации.

Не помню уж, как долго это продолжалось, но нам вместе было весело. Не нравилось мне в этих обедах то, что тетя Оля перед каждой едой насильно вливала в Толино горло столовую ложку рыбьего жира под страхом настоящей кожаной плетки со свинцовыми концами, а затем вставляла ему в рот хвост селедки для заедания этой гадости. Я знала, что он выпьет рыбий жир, что тетка Оля не станет его бить, но все это наводило какую-то тоску. Кроме рыбьего жира тетка Оля поила Тольку гоголем-моголем, что по сравнению с рыбьим жиром было не лучше. Попробовал бы кто-нибудь проделать со мною что-либо подобное!

Только я жалела, но показывать этого не могла, так как почти во всех наших играх он выступал в роли рыцаря с деревянным мечом, какого-нибудь великана или другой довольно мужественной личности. Да и вообще, он был здоровее меня на голову. Его авторитет я должна была беречь.

Толькину мать я все равно любила и даже уважала. Она была хирургом на фронте. Мне в то время хотелось быть врачом.

Тетя Оля меня тоже любила и называла сношенькой, чего я искренне не понимала. Зато моя мать все очень хорошо понимала и не любила бедного Доходягу.

ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ

Доходяга, несмотря на свое прозвище, был довольно крупным парнем с большой головой. Как то раз выйдя на улицу с карманом, набитым грецкими орехами, он затеял с двумя своими приятелями некую игру с использованием голов. Играли днем в Толькином дворе. Я болела и могла наблюдать за происходившем только из своего окна. В чем заключалась игра, я не знала и была даже немного напугана непонятными действиями ребят.

На следующий день Толькина мать, придя меня проведать, рассказала нам ужасную историю. А произошло вот что. Накануне вечером Толькина семья собралась за столом. Не успели начать ужинать, как в дверь постучали. Отец пошел открывать. На пороге стояли возмущенные соседи по дому – родители друзей, участников так называемой детской «головной» игры, придуманной Доходягой. Они пришли жаловаться на него и попутно узнать, во что же играли их дети, если один из участников этой затеи был отправлен заботливой бабушкой в больницу сразу же после прихода домой, а второй – продемонстрировал родителям, пришедшим с работы, огромную шишку на голове, величиной с детский кулак. Кроме этого, мальчика еще и тошнило.

А теперь о самой игре. По задумке Доходяги каждый из участников по очереди должен был положить на свою голову грецкий орех, а двое других, захватив руками с двух сторон доску, ударить ею по ореху. Цель игры заключалась в испытании крепкости головы играющего.

Доходяга первым положил на свою голову орех, который был разбит с первой же попытки. Второй же орех скатился с головы следующего играющего, и удар доской пришелся на саму голову. Это было не по правилам. Третий орех не скатился с головы последнего из играющих, а был просто вбит в нее доской и не разбился. Это тоже было не по правилам. На этом игру и закончили. Единственный разбитый орех поделили на троих.

Если бы не пришедшие жаловаться родители друзей, Доходяга, наверно, спокойно поужинал и лег бы спать, забыв обо всем на свете. Но ни тут-то было!

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

На Кочновке стояли две водяные колонки. Для меня они были как бы географическими понятиями. Например, уходить за вторую колонку мне запрещалось. За первую – было можно, тем более что там находилась булочная, в которую меня иногда посылали.

Сходить за хлебом было привилегией. Объяснялось это следующим. В те времена хлеб продавали на вес. Продавщица не всегда могла на глаз точно отрезать, например, полкило, поэтому получался довесок. Съесть его разрешалось по дороге. Хлеб был всегда очень мягким. Его раскупали мгновенно. Какая же вкусная была дорога домой! Кроме этого в булочной имелся «сладкий» прилавок. Пределом моих мечтаний стал кулечек с кофейными подушечками за рубль.

Однажды доведя себя мечтами до слюнотечения, я решила провернуть одну операцию, продумав ее только наполовину. Набравшись храбрости, я заявила к тете Оле и от имени мамы попросила взаймы до получки один рубль. Она очень удивилась размерам суммы, однако рубль выдала.

Пока я, задыхаясь от счастья, неслась за конфетами, тетка Оля перешла дорогу и очутилась в нашем доме. Разговора мамаш я, естественно, не слышала, другие ветры шумели в моей голове. Вернувшись, я очень удивилась оперативности раскрытия моего преступления. Мне-то казалось, что расплата наступит нескоро, а может быть, всё вообще забудется. О возврате денег я просто не подумала.

Меня отругали. Рубль был возвращен. Но оставался вопрос: зачем я это сделала? И тут на помощь моим мучителям пришла любимая сестрица. Нежно обняв меня, она предложила погулять. Мы вышли из дома и пошли по дорожке вдоль переулка. Ей ничего не стоило выведать правду. Угостившись конфетой, Лариса без оглядки пошла доносить. Мое плечо было еще теплым от ее руки.

Со мной ничего особенного не сделали. У тети Оли я попросила прощение. Она меня простила, сказав, что если бы я ей объяснила, на что мне нужны деньги, то вообще никаких проблем у меня не было бы.

А проблема все-таки была: плечо остыло.

КЕМ СТАТЬ?

Я не всегда мечтала быть врачом. Когда взрослые спрашивали меня, кем я хочу стать, когда вырасту, я просто говорила, что буду дворником. Все, конечно, смеялись, но я говорила вполне серьезно.

Нашу Кочновку в те времена подметала дворничиха-красавица: химическая блондинка с накрашенными алой помадой губами, одетая в белый фартук с металлической блямбой на груди. Звали ее Ольга.

Уж не знаю, откуда появлялось это чудо. Мне даже казалось, что из сна, но родители уверяли, что она существовала наяву. Я была влюблена в Ольгу, ее белый фартук и золотую блямбу. Мне казалось, что ее труд при такой рабочей одежде – дело почетное и им стоит заниматься.

Потом Кочновку перестали мести. Наглядный пример пропал с глаз, и мне захотелось стать хирургом, как мать Доходяги. Эту мечту подогревала во мне моя родительница. Она говорила, что когда придет старость, я буду ее личным доктором.

Коллекция медицинских инструментов началась со шприца, подаренного Доходягиной мамой. Потом появился скальпель, пипетки, клистирные трубки и груши, стеклянные баночки и много всяких «драгоценностей», относящихся к медицинской технике.

Первым объектом моих экспериментов стал Ларкин одноногий медведь. Так как медвежья нога была давно утеряна, пришить ее, то есть сделать настоящую операцию, я не могла. Медведя пришлось подвергнуть терапии. Я исправно делала ему уколы. Но он не хотел выздоравливать. Кроме того, внутри у него что-то «испортилось», и он стал пахнуть. Вскоре из медведя полилась мутная вода. Как я ни билась, пришлось снести его на помойку.

После этого случая у меня случилась еще одна потеря. Как-то к маме пришла в гости знакомая с маленькой собачкой. Я в это время играла на полу. Все мои «сокровища» лежали там же. Не успела я опомниться, как собака схватила пипетку с пола и съела ее. Хозяйка впала в панику, я тоже. У каждой из нас были свои причины. Пострадала только я одна. Через минуту чертова собака выплюнула стекляшку. Радостная хозяйка понеслась домой с живой и невредимой собакой. Я же оплакивала потерю – резиновый наконечник, без которого пипетка не работала.

Лечение живой, но очень дикой кошки, тоже вышло мне боком. Лариса в то время занималась шитьем нарядов для своей куклы. Ей вдруг стукнуло в голову, что, мол, неплохо было бы обзавестись живой моделью. Наш девиз: «Сказал – сделай!». Минут через пять Ларка вернулась домой с очень худой кошкой в руках.

Сначала «красотка» не хотела влезать в платье, потом ее пришлось покормить под одеялом, потому что она страшно шипела. Наконец животное успокоилось и как-то подобрело. Вот тут-то стукнуло уже в голову мне: а не полечить ли нам ее? Хорошо накормленное животное можно полечить, сделав ему клизму.

Все было выполнено по правилам: кончик трубки смазан вазелином, пациент уложен на бок. Санитарка держала ноги, все четыре. Операция была проведена сначала с блеском, а потом с треском. «Больная» с диким воем вырвалась из наших рук и, орошая все вокруг сами знаете чем, вылетела в открытую форточку.

Все бы обошлось, если бы она не убежала в платье. Модель надо было спасать. Мы бросились за ней. То, что я увидела, было ужасно. Кошка, дико мяукая, неслась по двору, спотыкаясь о подол платья. За ней бежала сестра «милосердия», а им вслед ковылял на костылях одноногий дядя Ося, деревянных дел мастер из соседнего дома, вынужденный оторваться от картежной игры. То, что кричал он вдогонку, было непередаваемо: сплошной мат. Тогда я ничего не поняла, а сейчас уже не вспомню. Кошка оказалась не бездомной сиротой!

Здесь следует также упомянуть, что не только медицинская практика, но и теория волновала меня. Однажды я, сидя во дворе, размышляла, чтобы такое сделать, «чтобы не было мучительно горько за бесцельно» проведенное утро.

Рядом на ступеньках, возле сараев расположились наши соседки по дому: тетка Катя (Атакина мать) и Балда (свиновод). В то время им обоим было лет по пятьдесят. Здоровье уже не то. Тетя Катя стала рассказывать Балде, что существует прекрасный способ избавиться от... (шел неизвестный мне медицинский термин) с помощью мочи. Я «встала в стойку». Ну, подумала я, сейчас пополню запас своих медицинских знаний.

Тетя Катя стала излагать методику лечения. Надо было, оказывается, не что-то там делать с мочой, а пить ее по определенной схеме. Я просто обалдела. Пить! Мочу! И, видимо, при этом шевельнулась. Тетки вдруг замолчали, повернули головы в мою сторону и уставились как на марсианку. Потом Балда сладким голосом проговорила: «Иди, деточка, поиграй в сторонке, а то ты скучаешь».

Как же! Я-то совсем не скучала, а даже наоборот. Но пришлось притвориться незаинтересованной деточкой и уйти. А как же мне хотелось послушать все до конца и обогатиться бесценным опытом!

Несмотря на некоторые неудачи и промахи, я не забрасывала свою медицинскую практику, но случай с кошкой научил меня кое-чему. С некоторых пор больных я выбирала более спокойных и молчаливых.

Впрочем, врачом я так и не стала, сама не знаю почему.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ С ПРИЯТЕЛЕМ

С Толиком, или Доходягой, я никогда не скучала. Мы с ним составляли отличную игровую пару: никто из нас не верховодил. Мы были спокойными, незадиристыми и творческими личностями. В зависимости от времени года мы старались играть в «сезонные» игры. Это выглядит по-дурацки только на первый взгляд.

Однажды, еще до принятия этого правила, мы с ним играли в «Спящую красавицу». Дело было зимой. Я, естественно, исполняла роль красавицы. Мне предстояло проспать до тех пор, пока мой освободитель не перерубит всех врагов. Я устроилась на столе в саду. Толик для красоты засыпал меня снегом и красивыми сосульками, а сам отправился на битву.

Вокруг сада торчали из снега засохшие палки и ветки, игравшие роль неприятеля. Деревянным мечом, обклеенным серебрянной фольгой, мой рыцарь принялся уничтожать сухой, что-то громко выкрикивая. Я же «спала». Все больше разгораясь, он увлеченно рубил направо и налево. Я терпеливо «спала».

Когда Толик устал, вид у него был как у коня, проскакавшего сто миль без остановки. Я же представляла собой трясущееся от холода, синее, сопливое существо, которое даже коню не захотелось бы оживлять поцелуем.

В тот раз я долго болела. С тех пор было решено: если плыть куда-то, то летом, чтобы не простудиться, если играть в верхолазов, то обязательно зимой – мягче падать.

Когда погода не позволяла болтаться на улице, мы с удовольствием смотрели диафильмы. Самым любимым была сказка о братьях Лю, в которой семь китайских близнецов успешно дурили какого-то мандарина и в конце концов утопили его в море.

Оставаясь одни дома, мы часто сидели под столом с опущенной до пола скатертью, и тихо рассказывали друг другу разные истории. Вредный мальчишка неожиданно поднимал краешек скатерти и, жутко вращая глазами, показывал пальцами в сторону печки. Я видела чьи-то ноги, обутые в сапоги. А ведь, дома никого не было! Только начинал дико хохотать. У печки стояли начищенные сапоги его отца. Хотя я и знала про этот трюк, но каждый раз пугалась.

Я любила бывать у Тольки в гостях еще потому, что у них в комнате на обеденном столе стояла чудесная ваза, которую можно было рассматривать часами. Ваза представляла собой толстое, развесистое дерево, у подножья которого сидел пастушок со стадом овец и играл на дудочке. Из вазы свешивались фантастические цветы, напоминающие ветки дерева. Так хотелось стать крошечной, сидеть под деревом, слушать дудочку и мечтать.

Тетя Оля всячески поощряла нашу дружбу. Она боялась, что на улице ее сын наберется от мальчишек всякой гадости. А чему плохому могу научить я?! Только одного не учитывала тетя Оля: выходя на улицу, мы все равно в ней растворялись, общаясь со всей нашей дворовой шпаной. Правда, к нам как-то ничего особенно плохого не прилипало.

ПОДРУЖКИ

Всю жизнь мне не везло на подружек. Ребят вокруг всегда было полно, и со многими я дружила. А вот девчонок моего возраста насчитывалось всего две-три. Мы иногда играли вместе, но это было, скорее, исключение, чем правило. Все сидели по своим садам и дворам.

Одну из девчонок я хорошо запомнила по детской обзывалке. Мы дразнили ее: Софа-немома. Так, и еще что-то прибавляя, кричала высунувшаяся в форточку бабка, когда хотела загнать внучку домой. Софка обижалась до слез, может быть и не на нас, а на свою бабку, понять которую мы не могли.

Софкина бабка была непростая. Несмотря на преклонный возраст, она кормила семью из пяти человек совершенно одна, умудряясь работать только три месяца в году – летом.

С моей тогдашней точки зрения, работа у Софкиной бабки была замечательная. Она торговала газировкой, наливая сначала из огромной, длинной колбы фруктовый сироп, а затем шипучую воду. Ее «водяная точка» неизменно находилась на углу книжного магазина у метро «Сокол» до тех пор, пока везде не поставили водопойные автоматы, а произошло это повсеместное «газирование» где-то в семидесятые годы. К этому времени все мои подружки уже повзрослели и разъехались по разным квартирам. Уехала и Софа-немома со своей бабкой. Кочновку ломали.

Вынужденной «подругой» на какие-то короткие периоды (постоянно общаться было просто невозможно) была соседская Раечка, внучка Юнихи, – капризное, избалованное, грубое и агрессивное существо. Еще могу добавить: немытое.

Что, по моему мнению, было в ней «хорошее», так это – патологическая трусость. Зная слабое место, я ее не боялась, хотя она была и старше, и крупнее, и сильнее меня. Когда я ее вспоминаю, на ум приходит одна из героинь сказки «Снежная королева» – маленькая бандитка. Проблески «доброго сердца» у моей соседки иногда тоже случались, но, скорее всего, это был мираж.

Мне никогда не хотелось с ней играть, но сидеть дома одной было скучно. Я выходила во двор, где Райка кого-то уже валтузила или устраивала унизительные игры типа: «Ходи за мной по кругу и подбирай из пыли надкушенные и выплюнутые виноградины». И с ней «играли»! Многие дети не видели винограда. Да какого винограда, хлеба было мало! С этой «девочкой» я общалась только по своим правилам. Если они нарушались, всё немедленно прекращалось.

Один раз у нас дело все-таки дошло до драки. Была зима в полном разгаре. Я затеяла строить горку перед садиком, куда выходили окна нашей комнаты. Мне не было шести лет, сил тоже было маловато, но съезжать с горки на маленьких саночках было моей мечтой.

Я упорно катала большие снежные комы и укладывала в основание, потом заполняла пустоты снегом и всё утрамбовывала. Возилась как муравей. А в это время за мною наблюдала Райка, сидя у своего окна, выходящего на ту же сторону, и попивая с любимой бабушкой чаек. Кстати, бабка Юнихи и спасла Райку, так как тоже смотрела в окно. Об этом я узнала чуть позже.

Так я возилась довольно долго, выводя из себя своим трудолюбием «милую» соседку. Когда дело подошло к концу, пошел сильный снег, и мне пришлось уйти домой. Еще было светло, когда снег перестал валить. Я вышла с веником. Можно было почистить горку и проверить, как сверху намерзает лед.

И тут терпение Райки, видимо, лопнуло: она, полураздетая, выскочила из дома с тяжеленным ломом в руках и молча, как бешенная, стала буквально вбивать этот лом в мою горку. Что было у нее в голове, и откуда взялись такие силы? Мне тогда было непонятно. Я с ужасом смотрела на это разъяренное существо, но и во мне уже закипала злость.

Не помню, как все произошло, но, когда нас разняли, у орущей во все горло Райки все лицо до крови было разукрашено моим веником. Мне она ничего не сделала, видно, от сильного изумления.

Драк больше не было. Наши родители почему-то не поссорились.

СТРАШНЫЕ СЕКРЕТЫ

Дворовые бандиты – двойняшки Саша и Миша – любили иногда «порадовать» младших товарищей.

Я в то время очень увлекалась «секретами». Секрет изготавливался следующим образом. После долгих исследований окрестных помоек набиралось некоторое количество разноцветных стеклянных осколков, которые разбивались камнем до одного размера. К ним добавлялись шарики из фольги, перышки, разноцветные бусинки и пуговицы, кусочки битого зеркала и даже настоящие цветы. Затем выкапывалась неглубокая ямка, в которую в художественном беспорядке выкладывалось все это добро. Ямка накрывалась кусочком прозрачного стекла, и все засыпалось песком или землей.

Играли мы так: каждый из детей делал по одному секрету. Задачей было отыскать наиболее интересный. Найденный секрет сначала аккуратно раскрывался: пальцем расчищалось от песка окошко. Затем содержимое разглядывалось. Если попадалось что-нибудь ценное, то секрет немедленно разграблялся. Мы с увлечением рылись целыми днями в земле, пополняя свои сокровища.

Однажды двойняшки преподнесли нам «подарок». Я уже не помню, кто наткнулся на тот ужасный секрет. Когда стекло было полностью очищено от песка, мы увидели окровавленные трупы еще неоперившихся птенцов, уложенные в ряд, как в братской могиле.

Сколько же радости было у этих великовозрастных негодяев! Как здорово они сумели подшутить над малолетками!

Мы были очень напуганы, я даже плакала. Рыться во дворе уже не хотелось.

СЛАДКИЙ ЛУК

Сосед дядя Вася, даривший мне конфеты, как-то весной решил посадить в своем крошечном огороде перед окном репчатый лук. У него получилось две грядки, в которые, к нашему с Райкой удивлению, он воткнул настоящие луковицы, только маленькие. Мы за ним наблюдали из-за забора. Нам тогда не были понятны его действия. Действительно, зачем закапывать настоящий лук в землю? Что из него может вырасти, картошка, что ли?

Хитрая Райка подбила меня сначала на авантюру, а затем на воровство. Как старшая, она стала задавать мне различные вопросы, которыми ставила в тупик. Короче, мы решили провести расследование непонятных поступков дяди Васи. Просунув руку через забор, Райка выковырнула одну луковицу, и мы пошли за сараи. Там луковица была сначала рассмотрена, а затем съедена. К нашему изумлению, лук оказался сладким.

Мы по-очереди бегали к грядкам бедного огородника, пальцами выковыривали лук и жадно съедали его за сараями. В это время сам хозяин огорода играл во дворе в «петуха». Как ни был он увлечен игрой, мы все же привлекли внимание своей беготней от его забора за сарай и обратно. Дядя Вася сделал перерыв в игре и пошел домой. Из окна его комнаты наши действия хорошо просматривались.

С нами он поступил благородно: рассказал, что из маленьких луковичек сначала должен вырасти зеленый лук, а затем и большие луковицы. И еще сказал, что рад, так как поймал нас сразу же после посадки, а то всходов пришлось бы ему ждать до зимы.

Потом мы под его руководством восстановили весь огород и при этом еще получили по целой горсти маленького лука для съедения.

Чтобы я больше так не делала, мать за печкой тихо отлупила меня своим любимым полотенцем. Райку даже не ругали.

ШУБА ИЗ КРОЛИКА

В дни получек отец заходил в «Детский мир», чтобы купить мне игрушку или что-нибудь из одежды. Однажды он появился дома с пухлым свертком в руках. Это было чудо! Из свертка вывалилась белоснежная шубка из кролика. Я была безумно рада, а отец расстроен. Задремав в метро, он чуть не проехал свою остановку. Выскочив из вагона, он обнаружил пропажу второго свертка, в котором была меховая шапка к шубе. Я не очень страдала по этому поводу, так как шапку не видела и, значит, вроде бы не теряла.

Теперь с Доходягой мы представляли прекрасную зимнюю пару: я – в белой кроличьей шубе, он – в черной, цигейковой. Во многие игры сразу стало играть и теплее, и интересней. За одну такую игру мне чуть не оторвали голову.

Из кирпичной стены завода, располагавшегося рядом с моим домом, торчала труба диаметром сантиметров пять, из которой прямо в переулок иногда вытекала вода. В ту зиму воду лили довольно часто, и под трубой намерзла огромная, гладкая ледяная шишка размером с таз. Вода иногда вытекала горячая. Ледяная шишка располагалась под струей, а около самой стены был небольшой проход.

Только пришло в голову совершить героический поступок: пролезть под трубой в момент вытекания из нее горячей воды. А что такого? Когда вода хлынула, он довольно ловко пролез под трубой, не намочив ни капли. Настала моя очередь. Вода полилась, я нагнула голову и шагнула вперед. Нога почему-то поехала, и я, больно ударившись о ледяную шишку, оказалась в огромной луже прямо в середине переулочка. Доходяга вытащил меня из воды.

Мы долго прятались за сараями, потому что в мокром виде я боялась вернуться домой. Холода я не помню, мне было только страшно предстать перед родителями. Вода на шубе замерзла сосульками. Что бы они не очень бросались в глаза, Только оборвал их вместе с мехом.

Мне очень крепко попало в этот раз, но не за то, что я, промокнув насквозь, заболела, а за испорченную шубу. Приди я домой сразу после «купания», и шуба, и здоровье были бы целы и невредимы.

ПОДАРОК К ПРАЗДНИКУ

К празднику 8 Марта я накопила денег и отправилась на «Инвалидный» рынок за подарком маме. Назывался этот рынок так, потому что после войны на нем торговали одни инвалиды. Там располагались различные палатки и маленькие магазинчики, в которых можно было купить всякую мелочь. Мне хотелось порадовать мать чем-то хозяйственным, например, набором для специй или еще чем-нибудь в этом духе.

На свою беду, я столкнулась на рынке с моей двоюродной сестрой Женькой – дочерью тети Веры. Допросив меня о цели посещения столь популярного места, она вдруг вызвалась мне помочь, в чем я совсем и не нуждалась. Весь процесс мне хотелось проделать самостоятельно. Но эта здоровая баба и слушать ничего не хотела. Я упоминала, что Женька была старше моей родной сестры лет на десять, следовательно, старше меня лет, эдак, почти на двадцать. Что мне было делать?

Она больно схватила меня за руку и начала таскать за собой из палатки в палатку. В толкучке я не могла протиснуться поближе к прилавкам и, естественно, разглядеть ничего тоже не могла. Приятный процесс стал превращаться в каторгу. Наконец она завопила, чтобы я доставала деньги. Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

В результате этой операции в моих руках торчал какой-то сверток и сдача – двадцать пять рублей. Женька, наконец, отцепилась от меня и сказала, что ей некогда. Я вздохнула с облегчением.

Боясь посмотреть, что же завернуто в бумагу, я решила оставить все до дома и потратить оставшиеся деньги. В маленьком магазинчике я приглядела белого гипсового ангела и подумала, что он будет приятным дополнением к основному, неизвестному пока подарку.

Дома я развернула сверток, и меня чуть не хватил удар. Хорошо, что мое шестилетнее здоровье было достаточно крепким. То, что там лежало, стало потом притчей во языцех на долгие годы. Женька даже в этом осталась Женькой!

Со слезами и тяжелым сердцем я вложила белого ангела в середину ненавистного свертка и с ужасом стала ожидать наступления торжественного момента.

Момент наступил. Растроганная мамаша на глазах у гостей стала разворачивать «мой» подарок. Надо сказать, что мама у меня невысокая, худенькая женщина.

Вот сейчас можно падать! Она достала огромные, пятьдесят шестого размера панталоны до колен китайского производства, причем, канареечного цвета, да еще зимние с начесом! Из них выпал белый ангел, почему-то с отбитой головой. Такого позора я не ощущала никогда!

Портки эти никто даже не примерил. Слава Богу, с головой у всех нас (кроме, конечно, Женьки) было все в порядке. Долгие годы они попадались на глаза в каком-то тряпье, вызывали жуткий смех и, может быть, до сих пор «живут» где-то на даче.

МОЙ «РЕКОРД»

У нас был радиоприемник «Рекорд» с красивым окошечком, в котором зажигался зеленый огонек. В центре окошка вращалась красная стрелка настройки. Все мои любимые герои жили в удивительном мире, расположенном по ту сторону окошка, я же находилась как бы на улице. Мне всегда хотелось заглянуть внутрь приемника и неожиданно застать там кого-нибудь из них. Особенно, когда передавали сказку «Городок в табакерке».

В ту пору наша страна дружила с Китаем. Часто из приемника раздавалась песня «Москва-Пекин», шли различные передачи о дружбе двух великих народов и о каких-то социалистических соревнованиях. Кроме этого транслировалось много различных спектаклей, в том числе и детских, например, «Седая девушка».

Сколько пролила я слез, слушая душераздирающую историю про бедную китайку Си-Эр. Злая хозяйка колола ей шилом губы за разбитую крышку от супницы и довела девушку до того, что та в свои юные годы стала седой.

Мне же было непонятно, как можно расколоть крышку от кастрюли, ведь она железная. Слова «супница» я тогда не знала и считала, что это просто так называют кастрюлю в переводе с китайского. Что-то тут не сходилось.

Однажды мы с мамой пошли на колонку за водой. Когда вернулись, по радио шла передача, в которой было много грохота и кто-то кричал. Мама велела выключить приемник, а я вдруг побоялась дотронуться до него. Мне показалось, что от такого шума и гама все ручки стали горячими. Я стояла и не двигалась. Приемник был для меня каким-то существом, жившим своей жизнью.

Больше всего я любила слушать передачу «Театр у микрофона». Сколько же я пропустила через себя всяких историй! Учитывая, что с трех лет я сидела дома одна, а радио было почти единственным развлечением в плохую погоду, то девицей я была «подкованной». Не всё мне было до конца понятно, но в основных вопросах, особенно идеологических и любовных, я разбиралась.

Мне очень нравилось слушать заседания КОАППа. До сих пор помню, из чего в лесу можно сделать бумагу и чернила; как определить даже ночью части света; какие ягоды, грибы и корешки можно есть; из чего построить шалаш, и как, вообще, не заблудиться и не умереть с голоду или от жажды.

Спасибо создателям этих передач: леса я никогда не боялась, любила его и хорошо себя в нем чувствовала. Любовь к животным, я думаю, оттуда же.

К музыке я относилась спокойно: петь не умела и не очень любила. Видно, мне кто-то на что-то наступил в детстве, но классическая музыка меня всегда вдохновляла на разные «подвижки».

ШАЛОСТИ ДВОРОВЫХ

Одним из невинных занятий подростков нашего переулка было катание на помойной машине. Дома в округе были деревянные, следовательно, «удобства» располагались на дворе. Эти «удобства» и помойки приезжала чистить специальная машина с кишкой для откачки содержимого.

Умелыми руками ребят гнулся длинный арматурный прут в виде салазок и делался специальный крючок. Когда помойная машина после своей работы выезжала со двора, надо было незаметно для водителя зацепиться крючком за кишку, засунутую в специальный карман под цистерной.

Таким способом можно было проехаться до конца переулка, что неоднократно и проделывалось. Остальные ребята, чтобы не привлекать внимание водителя, тихо бежали вслед за машиной. В основном это происходило по вечерам, когда мало прохожих и ничего не видно. Целых фонарей в переулке было немного.

Однажды произошел случай, последствия которого были обнаружены только весной. Катаясь, ребята случайно вырвали кишку из машины, содержимое которой равномерно вылилось от конца нашего переулка почти до самого начала. Был довольно сильный мороз, а к утру выпало много снега, так что следов преступления видно не было. А вот когда наступила весна, и талые воды потекли по канавам вместе со следами преступления, то-то было «радости» и «веселья».

Из «винных» шалостей, например, была такая. Яма посередине переулка, в которую я упала, играя с Доходягой, зимой покрывалась льдом. Я любила пяткой разбивать его от нечего делать, если до меня кто-нибудь не проделывал это. Окно комнаты двойняшек Саши и Миши выходило на эту яму. Они и стали инициаторами следующей «забавы».

По переулку за нашим домом возвращались со смены рабочие типографии, в которой трудилась и моя мать. Вторая смена заканчивалась поздно ночью. Вот для этих рабочих, в основном женщин, и была устроена засада.

Неутомимые на всякие подлости двойняшки целый день углубляли и расширяли яму, затем она искусственно была заполнена водой, так как естественного тока из трубы не было. От холода вода на поверхности быстро замерзла. Тонкий ледок забросали снегом. Все вокруг было выровнено и замаскировано, будто дорога и в самом деле была ровная и чистая. Фонарь около дома давно не горел. Всё было готово. Какое чудовищное трудолюбие проявили Саша и Миша!

Поздно вечером большая компания ребят засела у окна, как у телевизора (тогда о таком чуде и не слышали). Мамаши преступников почему-то не было дома.

Несмотря на морозы, женщины в то время одевались крайне неразумно. Тогда носили фильдеперсовые или фильдекосовые тонкие чулки со стрелкой и узорной пяткой, а также ботики с мехом, которые надевались прямо на туфли с каблуками. Красиво, правда? После войны женщинам хотелось выглядеть привлекательно.

Вот примерно таким образом одетая группа женщин и угодила по колено в ледяную воду. Впрочем, другая одежда и обувь вряд ли спасли бы положение. А до метро надо было еще суметь добежать по крепкому морозу.

Была ночь, не к кому было обратиться за помощью. ПОЧТИ все спали.

ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Первая настоящая книга, которую я любила и очень берегла, называлась «Кувырк» и другие рассказы». Написал ее Виталий Бианки. Мне было года три. Я тогда не умела читать и мучила своими бесконечными приставаниями сестру и мать. Книгу зачитали до дыр. В ней мне нравилось всё. Медведь – главный герой рассказа «Кувырк» – потрясал меня до слез своей обреченностью. Я видела перед собой не животное, а оказавшегося в беде человека и очень ему сочувствовала.

Суть рассказа такова: медведь попадает лапой в капкан, прикованный к бревну цепью. Он таскает бревно в лапах, пытаясь избавиться от тяжелого и больно вцепившегося врага, но ничего не получается. Наконец, измученный и обезумевший медведь подходит к обрыву и выбрасывает ненавистную ношу в пропасть, не сознавая, что и сам погибнет вместе с нею.

Мне представлялось, что и я могу когда-нибудь попасть, как медведь, в безвыходное положение. Но при всем этом, несмотря на свой малый возраст, я четко понимала, что дело не в бревне. Мишке следовало избавляться от цепи.

Когда я бывала в гостях у своей двоюродной сестры Нины, нам читали книгу Маршака, ставшую предметом моей белой зависти. У меня такой большой и интересной книги не было. Я слушала «в три уха», пытаясь всё хорошенечко запомнить, чтобы унести в памяти свою добычу – чудесные стихи и сказки.

В то время моя мама работала в типографии Воениздата. Кроме специальной литературы там печатались книги из серии «Военные приключения», в которых речь шла, в основном, о шпионах и пограничниках. Книжки эти я обожала. Они привлекали меня не только небольшим форматом, что важно для игры в библиотеку, но и своим содержанием. Каждый месяц печаталась новая книга, и наша «четырехэтажная» этажерка была ими забита. Чего я только не почерпнула из этих книг!

Взахлеб рассказывала я своим друзьям о госпоже Барк, у которой была кукла с головой, набитой взрывчаткой. О тайных записях на яичной скорлупе и лысых головах китайских шпионов. Об учительнице, устроившейся в дом советского генерала для обучения его дочери и писавшей свои шпионские донесения в ученической тетради, из листов которой делались голубки, перелетающие через забор сада прямо в руки связников. Майор Пронин был бледной фигурой на фоне моих любимых героев.

Очень скоро я научилась читать. Теперь в помощниках не было нужды. Кончилась и моя зависимость. Я вырвалась на простор. Книги буквально «проглатывались». Никто и ничто не могло меня остановить. Жаль только, что никто не пытался меня направлять.

ИГРУШКИ

Как я уже говорила, отец меня любил и баловал. Из «Детского мира» он привозил иногда игрушки. Почему-то у меня скопилось множество уток. Играть в них было невозможно: у этих птичек ничто не крутилось. Все они были похожи на закрытые мыльницы с головами разного размера. Летом в тазу плавали мыльница-мать и мыльницы-дети. Я их не любила. Кукол не водилось до поры до времени, но я терпеливо ждала своего часа. Мечтала о том, что моя кукла будет и ходить, и говорить.

После работы отец отсыпался на диване, а я в это время играла в «Галю». Я брала руку отца и представляла, что это девочка Галя, с настоящей теплой кожей и мягким живым телом. Я наряжала Галю в платья, сшитые Ларисой для ее куклы. Отец крепко спал и не сопротивлялся.

Любимой моей игрушкой был красный пластмассовый медвежонок с большой головой и подвижными лапками. Он весь был какой-то кругленький и удобный в игре. Я с ним очень долго не расставалась, а куда он потом подевался, уже не помню. Он сумел уйти от меня незаметно, без трагедий, оставив только приятные воспоминания.

В память о моем мишке осталась фотография, на которой я стою у березы и держу медвежонка так, чтобы и он был виден.

Особую нежность я питала к лебедям, которых можно было купить на Инвалидном рынке. В тарелке для супа, стоящей на грязном прилавке, они плавали небольшой белоснежной стайкой. Лебеди были сделаны из парафина. Продавали их почему-то цыгане.

Накопив денег, я однажды пошла совершенно одна на рынок за своей мечтой. Лебедей мне положили в фунтик из газеты. Сначала я очень осторожно несла его в руках, потом по дороге решила показать лебедей подружкам и зашла в гости. Девочки где-то гуляли. Я отправилась домой, но надо было закрыть за собой калитку. Кулек я положила в карман. Когда я очутилась дома и достала свое сокровище, оно представляло собой горсточку парафиновых крошек. Горький опыт не прошел даром. Через неделю мои новые лебеди успешно плавали в тарелке.

Однажды гуляя с отцом, мы нашли маленькую, величиною со сливу, белую фарфоровую собачку с желтеньким мячиком. Она положила начало моей миниатюрной коллекции игрушек. С собачкой я играла так: между рамами окна стояла решетка, я привязывала к ней за нитки спичечный коробок, укладывала в него собачку, как в люльку, и качала, что-то тихо напевая. Певица я была никудышная, но в данном случае это было неважно. Я изображала заботливую мать.

С отцом я иногда ездила в гости к его знакомым, в семье которых было два мальчика. Играть с ними я стеснялась. Они оставляли меня в покое около ящика со своими игрушками. Как же я завидовала этим детям! Чего только у них не было!

Иногда мать возила меня на Солянку в поликлинику лечить зубы. Процедура гадкая, поэтому я соглашалась только за «что-нибудь», что могло быть и конфетами, и игрушкой. Иначе рот у меня не открывался.

Как-то, полечив зубы, мы зашли в «Детский мир» за «чем-нибудь». Я давно выпрашивала куклу, и мама вроде бы согласилась на эту покупку, потому что своей куклы у меня до сих пор не было.

Мы походили, посмотрели. Куклы на полках были, в основном, красавицы, но нам они не подходили по финансовым соображениям, а те, которые могли подойти, были откровенно страшные. Хоть я была и маленькая, но в своих просьбах никогда не «зашкаливала», так как понимала, что живем мы небогато.

Вдруг я увидела на полке человечка мужского пола с длинным носом. Он привлек меня тем, что был одет в пальто и кепку из серого в крапинку шерстяного материала, а на ногах у него

красовались настоящие сапоги из кожзаменителя. Такой прекрасной одежды не смогла бы соорудить даже Ларка, мастерица на все руки. Кроме того, у всех были куклы-девочки, а вот куклу-мальчика я увидела впервые. Самое главное было то, что цена нас вполне устраивала. И я потянула мать поближе к витрине, но она категорически отказалась покупать мне «урода», как она его окрестила.

Мать видела в человечке некрасивое лицо, я же – прекрасную одежду и перспективы игры: с ним можно гулять в любую погоду, потому что тепло одет. В уговорах мать дошла до того, что была готова купить мне куклу более дорогую и красивую, но только не это чудище. Всю свою жизнь моя мать стремилась к «красивости».

Мы разругались, и, воспользовавшись этим, она увела меня из магазина ни с чем. Позже я видела таких кукол, но одеты они были как Буратино, и ни один из них не носил пальто и кепку. Моя мечта так и не осуществилась.

Настоящая красивая немецкая кукла у меня все же появилась, но с точки зрения игры, это случилось довольно поздно. Я любила свою куклу, но не очень-то в нее играла. Она не была моей мечтой, да училась я уже в шестом классе, а в это время глаза начинают смотреть в сторону живых мальчиков, а не мальчиков-кукол.

ЧУБЧИК БЕЗ КОНФЕТ

Моя мать боялась вшей. Конечно, не самих как таковых, а того, что я могу их «нахвататься», постоянно общаясь с собаками, которые были моей страстью. Она, видно, не знала, что собачьи блохи не превращаются в человеческих вшей. Лучше бы мать не выпускала меня гулять во двор.

Как-то к лету она решила заманить меня в парикмахерскую и наголо обстричь. Я всячески сопротивлялась ее планам. Мне уже было пять лет, за мною «ухаживали». Белоснежные волосы меня, в конце концов, как-то украшали, ведь красавицей я не была и это осознавала. Можете ли вы представить принцессу с лысой головой и чубчиком спереди (как расписывала моя мать эту экзотическую прическу), руки которой добивается замечательный принц Доходяга? Никогда! Это был мой ответ. Лучше умереть от вшей, чем от позора.

Но мать была старше и хитрее. Она ни с того ни с сего начала водить меня на рынок, где находилась большая кондитерская. Заведя в магазин, мать как бы нечаянно подталкивала меня к витрине с конфетами, мимоходом замечая, что если бы я не была такой упрямой, то за стрижку получила бы самую большую коробку конфет.

Сколько может выдержать такой соблазн ребенок, у которого пределом мечтаний является фунтик подушечек за рубль? Помучившись и решив, что скоро волосы снова отрастут, я сдалась.

Остригли меня в мужском зале «под мальчика». Лысая макушка, чубчик и уши в разные стороны! Когда я посмотрела на себя в зеркало, меня даже затошнило, не вру. Но главное – мать свое обещание насчет коробки конфет и не собиралась сдерживать. Мне было больше обидно не то, что я стала уродиной, а то, что меня жестоко обманули.

Почему-то никто особо не жалел меня и моего горя не принимал близко к сердцу. Фотографии «лысого периода» запечатлели меня со скорченной рожей и высунутым языком. Так я мстила своей обидчице за обман.

СОБАКИ

Собак я люблю всю жизнь. Общась с детьми своего возраста, я не находила полного душевного удовлетворения. Мне казалось, что только собака может понять меня до конца, ей я смогу доверить свои тайны, лишь она может беззаветно меня любить. Просить родителей приобрести собаку было бессмысленно. Мы жили вчетвером в двенадцатиметровой комнате, разгороженной печкой на две части, одной из которых была крошечная кухонька, другой – малюсенькая жилая комната. В ней помещалась родительская кровать по одной стене, наш с сестрой диван – по другой, между ними стоял стол. Впритык к дивану помещался узкий шкаф. И все. Собаку девать было некуда. Даже под высокой кроватью все было забито чемоданами с вещами и обувью. Приходила зима, и вещи вылезали из-под кровати. Приходило лето, они снова прятались обратно.

У нас был небольшой сарай для дров, но там было холодно, и держать в нем собаку было невозможно. Поэтому моя любовь распространялась на всех собак в округе без разбора.

Перед окнами комнаты был разбит садик-цветник размером с «носовой платок». Четыре шага в ширину и семь в длину. Шаги отцовские. В нем умещался стол и две скамейки. Садик был обнесен сеткой, завитой летом вьюнками с розовыми цветами-колокольчиками. Внутри, вдоль стены дома и по забору, торчали оранжевые лилии. Больше никаких других растений не было, а за теми, что росли, не надо было ухаживать. Они сами буйно разрастались каждое лето, суживая проход к столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.